

Данте зовет каждого своего читателя пройти путь «к состоянию счастья», а Нембрини настраивает наше сердце к тому, чтобы слышать этот призыв сегодня.

Александр Филоненко

к 700-летию
мирового шедевра

Франко
Нембрини

ДАНТЕ, КОТОРЫЙ ВИДЕЛ БОГА

«Божественная комедия»
для всех

Франко Нембрини

**Данте, который видел Бога.
«Божественная комедия» для всех**

«Никея»

2017

УДК 242
ББК 74.9

Нембрини Ф.

Данте, который видел Бога. «Божественная комедия» для всех /
Ф. Нембрини — «Никея», 2017

ISBN 978-5-907307-58-2

Тридцатилетний опыт преподавания «Божественной комедии» в самых разных аудиториях — от школьных уроков до лекций для домохозяек — воплотился в этой книге, сразу ставшей в Италии бестселлером. Теперь и у русского читателя есть возможность познакомиться с текстами бесед выдающегося итальянского педагога, мыслителя и писателя Франко Нембрини.

«Божественная комедия» — не просто бессмертный средневековый шедевр. Это неустаревающий призыв Данте на все века и ко всем поколениям людей, живущих на земле. Призыв следовать тому высокому предназначению, тому исконному желанию истинного блага, которым наделил человека Господь. А Нембрини словно берет каждого из нас за руку и вкладывает ее в руку Данте, чтобы отправиться с ним в самое главное путешествие в жизни — путешествие к звездам, к Богу. Книга адресована студентам, педагогам, литературоведам, психологам, а также широкому кругу вдумчивых читателей, ищущих в литературе разговора о подлинности жизни, о живой связи «царственного слова» с нашим бытием. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 242
ББК 74.9

ISBN 978-5-907307-58-2

© Нембрини Ф., 2017

© Никея, 2017

Содержание

Предисловие	7
Слово к читателю	9
Данте, поэт желаний	10
Часть I	23
Песнь I	23
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Франко Нембрини
Данте, который видел Бога:
«Божественная комедия» для всех

FRANCO NEMBRINI

DANTE, POETA DEL DESIDERIO

CONVERSAZIONI SULLA DIVINA COMEDIA

Дорогой читатель!

Издательство «Никея» благодарит Вас за приобретение легальной копии нашей электронной книги.

Если же по каким-либо причинам у Вас оказалась пиратская копия, просим поддержать нас официальной покупкой, поскольку эта книга является плодом труда многих людей.

Как приобрести легальную копию – узнайте на нашем сайте www.nikeabooks.ru

Если в электронной книге Вы заметили какие-либо ошибки – пожалуйста, напишите нам на editor@nikeabooks.ru

Спасибо!

© ТОВ «ДАНТЕЦЕНТР», 2020

© ООО «ТД «Никея», 2021

Предисловие

«Божественная комедия» – средневековый христианский шедевр, который вот уже семьсот лет несет в себе неслыханное предложение для каждого читателя, сформулированное самим Данте в письме к Кан Гранде делла Скала: «вырвать живущих в этой жизни из состояния бедствия и привести к состоянию счастья». Данте предупреждает, что «целое задумано не ради созерцания, а ради действия», что его задача не сводится ни к описанию потустороннего мира с адскими кругами и щелями, террасами чистилища и райскими сферами, ни к поэтическому изложению схоластической мысли или церковной истории. Его слово действительно, оно способно привести всякую человеческую душу в движение, устремленное к самому истоку Жизни. И цель этого действия в том, чтобы в посюстороннем мире, в наисовременнейшей повседневности каждого читателя, отделенного от Данте столетиями, открыть путь, выводящий из всякой, самой бедственной растерянности к счастью существования, пронизанного любовью. Свежесть и сила этого дерзновенного предложения скрыта от нас десятками переводов и томами комментариев. Мы часто входим в мир Данте, любуясь его готической архитектурной, прислушиваясь к музыке его стиха, прикасаясь к реалиям далекого, но влекущего Средневековья. Однако пришло время переоткрыть сквозь вековые наслоения *действенность* Данте, его способность быть, по слову отца Георгия Чистякова, «вечным спутником и незаменимым наставником».

Книга, которую мы держим в руках, посвящена именно этой задаче: «Данте берется за перо после того, как он увидел Бога, после того, как прошел весь путь... Он возвращается, чтобы собрать друзей и рассказать им: „Друзья, я буду сопровождать вас и покажу, как можно жить“, жить на высоте собственного желания, ощущая, что ни один волос не упадет с головы, как обещано Иисусом в Евангелии, поскольку даже самая ничтожная деталь, слово или привязанность, зародившиеся сегодня вечером, симпатия, зародившаяся вчера, все, даже самая маленькая вещь, связано со звездами, бытием, тайной и поэтому спасено». За этим введением в «Божественную комедию», созданным выдающимся итальянским христианским педагогом Франко Нембрини, стоит его тридцатилетний опыт преподавания в самых разных аудиториях – от школьных уроков в основанной им школе «Ла Трачча» до лекций для домохозяек в театре Бергамо. Нембрини предлагает пережить вместе с Данте приключение, открывающее, почему бьется сердце, почему мы встаем по утрам и имеем мужество прожить каждый день, почему рождаем детей и, в конце концов, как находим самих себя.

Мы не только погружаемся в дантовский мир, но встречаемся с самими собой, а Данте оказывается спутником, который сопровождает современного читателя с его кричащими проблемами на пути его собственного сердца, ищущего Бога. Он – проводник, позволяющий за событиями каждого дня распознать Божественный замысел.

Эта книга – зрелый плод усилий Нембрини по созданию *новой христианской школы*, отвечающей на вызовы мира, который переживает тектонические изменения. В своем педагогическом манифесте «От отца к сыну» Нембрини утверждает, что новейший кризис воспитания есть *кризис отцовства*, уходящий в вековую историю: «Новое время восстало против фигуры отца, то есть фигура отца, отцовство обвиняется в авторитарности, и вся педагогика строится теперь на отрицании авторитета, во имя неверного и искаженного представления о свободе». Кризис воспитания – во взрослых, которые оказываются неспособными стать *свидетелями* величия жизни для детей. Фигура Отца и есть фигура такого свидетеля – проводника. Совершенно дантовская фигура, из которой рождается педагогика Нембрини. Из воспитательного кризиса нам позволяет выйти лишь «очевидность чего-то настолько прекрасного, что позволяет тебе изменить твою идею, твоё представление о счастье. То, с чего постоянно вновь начинается жизнь, – это встреча с чем-то настолько великим, прекрасным для тебя, что оно меняет все твои представления. И поэтому ты не можешь спорить с сыном о счастье, ты дол-

жен ему показать что-то такое, что изменяет, переворачивает его представления и заставляет двигаться его свободу, его разум». Отец свидетельствует о таком масштабе жизни, в котором способна раскрыться безмерная надежда человека на счастье. Этот масштаб – дантовский. А сам Данте позволяет не отводить глаз от труднейших вызовов не с целью защититься от них, а чтобы пройти через них к собственному счастью, открывая Божественные корни всякого человеческого желания: «Когда я говорю о “желании”, я имею в виду три вещи, в которых человек нуждается, чтобы жить: стремление познать Истину; желание любить познанную истину и жить ею; надежда на то, что Истина, которой человек живет, поможет воссоздать красоту и благо для всех».

Воспитательный подход Нембрини, позволяющий войти в самые трудные проблемы современного человека с евангельским ключом, уже находит широкое признание в православной педагогике. Работа с Данте, сделавшая его знаменитым в Италии, открывает новые перспективы для православной миссии, отвечая на потребность каждого сердца в сопровождении его на пути к высшему благу. На этом же пути самая удивительная весть Данте состоит в том, что преображение человека осуществляется через следование за высшим милосердием: первым словом героя «Божественной комедии» является *Miserere, смилуйся*, а в заключительной песне мы слышим гимн милующей Богородице. Данте зовет каждого своего читателя пройти путь «к состоянию счастья», следуя за милостью Божьей, а Нембрини настраивает наше сердце к тому, чтобы слышать этот призыв сегодня.

*Александр Филоненко, доктор философских наук,
профессор Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина*

Слово к читателю

По свидетельству самого автора он впервые почувствовал любовь к Данте, когда ему было двенадцать лет. Он переносил по лестнице тяжелые винные ящики в погреб одной винокурни, и вдруг его, словно молнией, пронзили строки «Божественной комедии», внезапно пришедшие на ум: *«Ты будешь знать... как трудно на чужбине / Сходить и восходить по ступеням»* [1].

Именно тогда зародилась любовь Франко Нембрини к литературе. Позже она сделала из него преподавателя итальянской словесности в школах провинции Бергамо. Затем на некоторое время ему пришлось оставить преподавание в связи с возложенными на него административными обязанностями в «Обществе дел» [2]. Но как-то один из его четырех сыновей, вспомнив о предстоящем зачете по Данте, сказал с упреком: «Папа, ты разъезжаешь повсюду с лекциями, а нам ничего не рассказываешь». И уже в следующее воскресенье Франко и двое его сыновей со своими друзьями говорили о Данте. Желающих участвовать в этих встречах становилось все больше, и в конце концов их число достигло двухсот. Одна из мам, заинтересовавшись лекциями, которые слушали ее дети, спросила Франко, не может ли он проводить такие же беседы и для родителей. Так возник цикл лекций «Данте для домохозяек», тексты которого вошли в трехтомник «В поисках утраченного „я“», вышедший в издательстве *Itaca*.

Тем временем первые двести слушателей настолько увлеклись «Божественной комедией», что создали объединение под названием «Чентоканти» [3]. Его устав предписывал каждому участнику выучить наизусть одну песнь, чтобы объединение стало своего рода живой «Божественной комедией». Со временем молодые люди из «Чентоканти» стали посещать школы, культурные центры, чтобы рассказывать о том, что сами они узнали от Франко. В связи с этим возникла потребность в регулярных встречах для более системной работы по анализу поэмы.

Таким образом, когда в 2010 году Франко принял предложение ассоциации Обло (Сан-Паоло-д' Аргон) начать новый цикл бесед, посвященных Данте, его курс, с одной стороны, уже был проверен двадцатью годами преподавания в школе (Данте – это «один из нас», человек страстно влюбленный в жизнь и судьбу, и именно потому его стоит читать), а с другой – обогащен результатами работы «Чентоканти», в которой принимали участие и выдающиеся исследователи творчества Данте. (В частности, прочтение песни четвертой дано не по беседам Нембрини в Сан-Паоло, а по лекции профессора Марии Сегато, прочитанной на одном из семинаров «Чентоканти».)

Тот, кто знаком с другими работами Франко Нембрини о Данте, найдет здесь тот же искренний стиль, то же воодушевление, ту же способность обращаться непосредственно к каждому, то же стремление показать, что путешествие Данте отражает потребность каждого человека в «благе, в котором <...> душа» [4].

*Роберто Персико, педагог,
составитель итальянского издания книги*

Данте, поэт желания

Те из вас, кто знаком со мной, не единожды слышали мой рассказ о том, что призванием к преподаванию, страстью к литературе и любовью к Данте я обязан юной учительнице Клементине Маццолени, которая, еще студенткой, преподавала в первом классе средней школы Трескоре Бальнеарио.

Сразу следует сделать одно важное замечание: данный курс не является курсом лекций для специалистов, вы не найдете в нем академического подхода. Я считаю себя экспертом по Данте только в прямом смысле слова «эксперт»: я экспериментирую, постигаю нечто на собственном своем опыте.

Я читал Данте в десятках школ, тысячам ребят, и меня все сильнее тянуло к этому чтению, и страсть моя постоянно возрастала: ведь произведение Данте – живое творение; как и все великие произведения искусства, оно вступает в диалог с человеком на таком глубинном уровне, что каждый читатель каким-то образом в своем ответе создает текст заново.

Тем, что мое понимание текста «Божественной комедии» стало глубже и богаче, чем тридцать лет назад, я во многом обязан работе с аудиторией: перечитывая отдельные строки поэмы, я могу назвать имя ученика и вспомнить выражение его лица в тот момент, когда он поднял руку и спросил: «Получается, что эти слова следует понимать *так-то* и они служат указанием, которым можно пользоваться и в жизни?» Вместе с ребятами все эти годы мы глубже и глубже проникали в текст и при каждом новом прочтении открывали в нем что-то новое.

Однако прежде чем приступить к песни первой «Ада», я хотел бы остановиться на том, что предшествовало появлению «Божественной комедии». Чтобы правильно подойти к ее прочтению, необходимо понять, как Данте пришел к ее написанию, что пережил этот человек и что поведал он в своем шедевре «Новая жизнь».

Разобраться в этом довольно просто. Можно предположить, что Данте – святой, лично я так и считаю. Некоторые исследователи называют «Божественную комедию» пятым Евангелием, другие – последней книгой Библии. Очевидно, что перед нами произведение искусства, которое по степени раскрытия тайны жизни, тайны человека, тайны Бога (Тайны всеобъемлющей) достигает невиданных высот: Данте создал самое гениальное литературное (и в определенном смысле мистическое) произведение, описывающее историю человечества.

Он святой, сумевший распознать нечто непознаваемое, и мы постараемся пройти вслед за ним тот длинный путь, где ему было позволено увидеть столь многое. Самое невероятное (и здесь мы немного забегаем вперед), что этот человек видел рай, он видел лицо Бога и, осознавая свою величайшую ответственность, решительно и достойно рассказал об этом. «Божественную комедию» можно считать свидетельством человека, говорящего: «Друзья, я видел Бога. Видел Бога! Мне было даровано понимание жизни и тайны человека, которым я и хочу поделиться с вами». По этой причине, мне кажется, необходимо проследить путь, проделанный поэтом, и попытаться понять, почему он вдруг берет перо, бумагу и начинает писать «Божественную комедию».

В качестве прелюдии позвольте сказать несколько слов о себе. Это прояснит мой способ чтения и взаимодействия с текстом. В какой момент я осознал, что могу говорить с Данте и что Данте говорит обо мне?

Как уже было упомянуто, пламенную любовь к Данте передала мне моя учительница: она общалась с нами как со взрослыми, трогательным образом ставя на нас, рискуя поверить, что у нас получится, увлекающая своей страстью к литературе, и это завораживало меня. До сих пор помню, что после экзамена в третьем классе, пожимая ей руку, я сказал: «Обещаю, что стану преподавателем итальянского языка и литературы».

Я пообещал, поскольку благодаря ей увидел, что преподавание дает замечательную возможность делиться с другими всем самым прекрасным, что человек открывает и постигает в своей жизни. Она заставляла нас много трудиться, серьезно подходить к занятиям, мы прошли все, предписанное Министерством образования: «Ад» читали в первом классе, «Чистилище» – во втором и «Рай» – в третьем. Она заставляла нас учить отрывки наизусть, и я, будучи достаточно прилежным учеником, всегда это выполнял (раз есть что учить, нужно учить), даже если не понимал, какой в этом смысл. Понятно, что в таком возрасте подобное занятие кажется тягостным и трудным.

А потом произошел случай, ставший для меня переломным моментом: именно с ним я связываю зарождение во мне страстной привязанности к Данте – я открыл, какое значение может иметь литература в жизни человека.

Я был четвертым из десяти детей в семье. Наш отец болел рассеянным склерозом, поэтому, как только появлялась возможность, мы подрабатывали и тем самым помогали родным. Так, в конце первого класса средней школы я стал помощником в продуктовом магазине в Бергамо. Ради удобства и благодаря любезности владельца магазина я жил у него с понедельника по субботу: я не тратил денег на дорогу, меня кормили, поэтому нас это устраивало. Но все же я очень страдал: в двенадцать лет оказаться вдали от дома и трудиться в поте лица...

Мне хотелось передать домой письмо – через мою тетю, которая часто ездила из Бергамо в Трескоре: рассказать маме о моих трудах, о том, как я устал, как скучаю по дому, но из-под пера выходили лишь малозначительные фразы, и я все выбрасывал.

Тот вечер я помню, как сейчас: в десять часов после тяжелого трудового дня меня попросили разгрузить машину, которая привезла бутылки с вином и водой. Я помню, как, не имея больше сил работать, я носил тяжеленные ящики по крутой лестнице и плакал. И вот, в очередной раз поднимаясь по лестнице, я остановился – оттого, что из глубин памяти вдруг всплыла терцина из «Рая», где пращур Данте Каччагвида предсказывает ему изгнание:

*Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням.*

«Сходить и восходить по ступеням» – строки о том, чем я был занят. Я был поражен, буквально повержен, и потому спросил себя: «Как это возможно? Я из кожи вон лезу, пытаюсь найти верные слова, чтобы выразить происходящее со мной, и нахожу в произведении семисотлетней давности то, что описывает мой опыт. Значит, Данте говорит обо мне, значит, у него есть, что сказать мне».

Так во мне пробудился интерес[5], я понял, что нахожусь внутри «Божественной комедии». И, вернувшись домой, захлеб прочел ее; вскоре я понял, что мое открытие касалось и «Обрученных» Мандзони, и поэзии Леопарди, и всей великой литературы... Более того, это касалось и великого искусства, и самой природы. Все так или иначе говорило обо мне, все было *интересным*. «Божественная комедия» стала моей историей; вся литература и все, что сказали великие, воспринималось как сказанное обо мне, все ставило передо мной вопросы, все могло мне что-то сообщить.

Я никогда этого не забывал, и именно с того момента я начал любить литературу, в первую очередь Данте, а затем и все остальное.

Тогда же я понял, в одно мгновение, почему стоит учить наизусть, а затем всю жизнь убеждался в правильности этой мысли. Поскольку память – это невероятная способность человека, в нужный момент она помогает извлечь именно те строки, те стихи и те образы, которые способны описать опыт настоящего, как случилось со мной в тот прекрасный день на лестнице. Настоящее оживляется памятью, сердце начинает вновь волноваться. Итальянское слово

ricordare («помнить») означает – в несколько рискованном толковании – «возвращать сердцу». На диалекте Бергамо чтобы сказать: «Мне пришло в голову», мы говорим о сердце – *ma 'è in cor* («мне пришло в сердце, вернулось в сердце»). Во французском «наизусть» звучит как *par coeur*, в английском – *by heart*; и то, и другое буквально означает «через сердце» – запоминать сердцем, с помощью сердца. Практически во всех языках, как говорят мне специалисты, глагол «помнить» связан со словом «сердце»[6]: помнить – это делать что-то вновь присутствующим. Именно память является тем невероятным свойством человека, которое способно воссоздать в настоящем какой-то опыт, какую-то встречу.

Данте выразил это в строках «Рая»: «...исчезает вскоре / То, что, услышав, мы не затвердим»[7]; зачем знать что-то и потом не удерживать это в памяти, то есть не делать это своим, не уловить это?.. «Уловить» означает взять себе, поместить в свое хранилище. Это же передает итальянский глагол *capire*, произошедший от латинского *capere* (в прямом значении – схватывать)[8], нечто является захватывающим, поскольку что-то в себе несет. Понимать, улавливать, то есть запоминать, иметь возможность использовать свое сердце как хранилище, способное осветить наш опыт в настоящем. Так шаг за шагом взрослеет человек.

Именно поэтому я всегда пытался донести до моих учеников следующее: «Почему стоит утруждать себя чтением и изучением Данте? Почему это стоит делать? Этот труд оправдывает себя, если мы говорим с Данте». Иными словами, это имеет смысл, если мы привносим в занятие свои вопросы, свою жизнь, свою драму, свой интерес к жизни. Тогда Данте начинает говорить с нашим сердцем и нашим умом, с нашими желаниями. И, начавшись однажды, этот диалог не закончится никогда.

Чтобы нагляднее объяснить это классу, я всегда цитировал один отрывок, но уже не из Данте, а из «Письма к Франческо Веттори» Никколо Макиавелли. Макиавелли также находился в изгнании и был недоволен своей жизнью, поскольку проводил день, по его собственному выражению, *изничтожая, убивая* его, как человек никчемный, презренный, нищий духом; но все же ежедневно что-то вызволяло его из этой ничтожности.

*С наступлением вечера я возвращаюсь домой и вхожу в свой кабинет;
у дверей я сбрасываю будничную одежду, запыленную и грязную, и облачаюсь
в платье, достойное царей и вельмож*[9].

Так и следует поступать! В жизни должен быть момент, когда наконец можно сбросить, выкинуть «будничную одежду, запыленную и грязную» (а пыль и грязь символизируют повседневное существование, влачимое в низости, жизнь среди ничтожных желаний и мелких предательств), чтобы облачиться в «платье, достойное царей и вельмож»: мы все – цари, цари над самими собой.

Вот о чем я говорю: необходимо вступать в диалог с «Божественной комедией», с автором, открыв свое сердце, с чувством собственного достоинства, с осознанием своих желаний и надежд.

*Я облачаюсь в платье, достойное царей и вельмож; так, должным
образом подготовившись, я вступаю в старинный круг мужей древности и,
дружелюбно ими встреченный, вкушаю ту пищу, для которой единственно я
рожден*[10].

Дружелюбно, сердечно встреченный «*мужами древности*» – именно так Данте принимает тебя. Наконец-то и ты можешь вкушать «*ту пищу, для которой единственно рожден*». Единственная пища человека – мудрость, истина, то, что отличает нас от нашей собаки, от нашей кошки: – страсть к поиску своего предназначения, к наслаждению окружающим. Назовем эту истину именем, которое мы еще не раз повторим сегодня, – счастье: путь к свершению самого себя, своих судеб.

...ту пищу, для которой единственно я рожден; здесь я без стеснения беседую с ними и расспрашиваю о причинах их поступков, они же с присущим им человеколюбием отвечают. На четыре часа я забываю о скуке, не думаю о своих горестях, меня не удручает бедность и не страшит смерть: я целиком переношусь к ним[11].

«Они же с присущим им человеколюбием отвечают» – Данте, Мандзони, Леопарди... Все отвечают! Нужно всего лишь правильно задать вопрос, то есть начать желать понастоящему («желание» станет одним из ключевых слов в нашем толковании Данте).

Возможен ли такой подход к чтению? Оправданно ли истолкование Данте, основанное на смирении и увлеченности, истолкование человеком, который, говоря с Данте, научился слышать то, что было сказано непосредственно ему? Если бы кто-то из вас оказался сейчас на моем месте, Данте говорил бы с ним по-другому, потому что те же самые слова поэмы осветили бы его жизнь, которая отличается от моей. Но я убежден, что такое чтение возможно – достаточно, чтобы читающий принял то, что хотел сказать Данте, и то, что он пробуждает в его сердце. Если бы произведение ничего не пробуждало в сердце человека, какой смысл был бы в чтении? Если ты говоришь с Данте, если ты смог войти в «*круг мужей древности*», узнаешь причины их поступков и уносишь с собою их подсказки, идеи, суждения, утешения – именно тогда литература становится интересной. Я считаю, что такое чтение возможно и вполне правомерно. О таком чтении говорит сам Данте.

Когда Данте писал «Божественную комедию», он прекрасно осознавал ответственность, которую на себя берет. Он часто повторяет это в разных частях произведения: «Я пишу это „для пользы мира, где добро гонимо“»[12].

Я хочу помочь моим собратьям, хочу поддержать их. Так, в письме к Кан Гранде делла Скала он даже говорит: «*finis et partis* (цель целого и части – то есть всякой песни, всякого стиха) *est removere viventis in hac vita de statu miseriae* (вырвать живущих в этой жизни из бедственного состояния) *et perducere ad statum felicitatis* (и привести к состоянию счастья)»[13]. Потому что такова судьба произведения, его задача, предназначение его. «Я пишу „Божественную комедию“, чтобы помочь людям, моим братьям, идти к счастью, к судьбе», – сколько раз будет сказано об этом желании, сколько мы перелистаем страниц, исполненных ответственности и милосердия, этого братского отношения ко всем, ко всему миру...

Итак, чтобы войти в произведение, читатель должен выполнить требование Данте: «Вы так созданы, будьте честны с собой, а я помогу вам, я с радостью провожу вас, ведь я уже проделал этот путь, я вернулся назад, чтобы взять каждого из вас за руку и вместе идти к истине, к жизни».

Благодаря помощи ребят из «Чентоканти» мы смогли найти текст прошения, которое жители Флоренции направили главе города и приорам (в то время составлявшим коммунальный совет города) с просьбой объяснить им «этого Данте», его произведение. Почему? Потому что и они хотят совершенствоваться. Народ, не ученые мужи, а большая часть жителей Флоренции, «*которые как себе, так и другим жителям желают устремляться к добродетелям*» (иными словами – они хотят, чтобы им помогли стать добрее, человечнее, правдивее), *также и своим правнукам и потомкам желают они познания книги Данте, в которой даже неграмотные* (те, кто не учился) *могут найти помощь в том, чтобы избежать греха и стремиться к добродетели и красноречию*». Так пришла к читателям «Божественная комедия»: во Флоренции XIV века, так же как и в Бергамо XXI века, – по воле простых людей, которые не учились, но знали: в этом произведении есть нечто очень важное, требующее понимания. С этого и начиналось: «*Преклоняясь, мы умоляем досточтимых приоров* (далее идет список знатных горожан) *позаботиться о том, чтобы выбрать человека умелого и знающего* (это не про меня), *хорошо знакомого с поэзией такого рода, чтобы тот истолковал книгу, называе-*

мую в народе Эль Данте, за время, какое вы пожелаете (но не больше одного года), в городе Флоренция; для всех, кто пожелает слушать в будние дни в непрерывном, как обычно делается в подобных случаях, цикле лекций».

В протоколе данного собрания записано, что 9 августа 1373 года совет главы города и коммуны Флоренции таким-то количеством голосов «за» принял положительное решение относительно прошения жителей и поручил шестидесятилетнему Джованни Боккаччо начиная с 23 октября в одной из церквей города читать для народа «Божественную комедию» (на самом деле он это уже и так делал), а также объяснять и комментировать ее. Сапожники, рабочие и крестьяне Флоренции будут передавать «Комедию» из поколения в поколение. Во Флоренции и по сей день существует традиция: в среде простых людей «Божественная комедия» передается из уст в уста, от отца к сыну.

После этой долгой, но, надеюсь, небесполезной методической предпосылки приступим к делу. И здесь я вынужден обратиться к вашему воображению, поскольку мы говорим об эпохе, крайне отличной от нашей. Пожалуй, у большинства людей представление о Средневековье ограничивается стереотипным перечнем: темные века, инквизиция, ведьмы, развращенное духовенство...

На самом деле Средневековье, как и любая другая эпоха, соткано из противоречий, причем на этом отрезке истории христианство сформировало самосознание отдельного человека и сознание общества, тем самым повлияв на все, что создавали люди. Средние века – эпоха соборов и университетов, эпоха Джотто и Фомы Аквинского; время искусства, философии и такого понимания работы, семьи, совместной жизни и мира, которое радикально отличается от нашего. Я мог бы сказать, что прежнее восприятие навсегда утрачено, но это не так: если мы находимся здесь и сейчас, если я здесь, чтобы рассказать вам об этом, то именно потому, что я видел такое восприятие жизни и мира у моих родителей, моих бабушек и дедушек, какое мы находим в «Божественной комедии» и во многих других произведениях той давней эпохи. А значит, подобное мышление не утрачено, не погибло, просто оно больше не является формой общественной жизни.

Попробуйте представить себе жизнь без радио, телевидения, газет, мобильных телефонов, когда единственным способом передачи информации было свидетельство: что-то я рассказываю тебе, ты это рассказываешь другому, а тот расскажет еще кому-то. И вот в такое время молодой человек по имени Франциск, сын богатого торговца из Ассизи, делает радикальный выбор: он решает отказаться от отцовского состояния и жить только любовью Иисусовой. Это настолько поражает его друзей, что они следуют за ним. А по прошествии нескольких лет Франциск созывает собрание, получившее название «Капитул рогожек», куда сходятся пять тысяч молодых людей со всей Европы, чтобы сказать ему: «Мы поступаем так же, как ты, мы идем вслед за тобой».

За много веков до того имело место аналогичное явление, когда силами монахов в опустошенной варварами Европе сформировалось новое общество. Они не верили в то, что «мир отвратителен, что он катится к своему закату», и стремились «жить на высоте собственного желания и человеческого достоинства». Каждый из них призывал трех друзей и говорил: «Давайте жить так, как заповедал Господь, жить хорошо. Давайте строить жизнь в согласии с ее назначением». Так возникали монастыри. Так зародилось бенедиктинское движение, изменившее Европу, усеявшее ее аббатствами, монастырями, церквями, вокруг которых вырастали общины, города, развивалась торговля, а затем и все остальное.

Здесь, в Сан-Паоло-д'Аргон, находится очень старое бенедиктинское аббатство. Если же проехать чуть дальше по дороге, ведущей к Ловере, откроется великолепный вид на холмы, покрытые земляными террасами; кое-где почву укрепляют каменные арки: здесь монахи сажали виноградники, вокруг которых со временем вырастали целые поселения. Эта долина была такой дикой, что сейчас трудно даже представить, как монахи из аббатства медленно,

веками, камень за камнем, виноградник за виноградником превращали ее в нечто великолепное. То же самое происходило по всей Европе. Это была эпоха, когда люди радостно, без страха перед ответственностью смотрели на мир, который постепенно заселялся: человек начинал жить в соответствии со своим желанием.

В это же время рождается идея общества и экономики: вспомните об учетных книгах флорентийских торговцев, тех самых, что придумали систему двойной записи, используемую в бухгалтерии по сей день.

В списках пайщиков, между которыми распределялся доход в конце года, числился некий *Мессер Доминеддио* [14], он так же, как и все, получал часть прибыли: эта часть шла Церкви на содержание бедных, больных, а также на поддержание лечебниц. В те времена думать о своей судьбе и своем будущем было естественно.

Однажды граф Брузати решил продать все три своих замка между Бергамо и Брешией, поскольку имел одно-единственное желание – умереть на Святой земле. Он продал все, оставил свою семью, благо дети уже давно выросли... Посвящая свою жизнь Иисусу, люди отдавали свое имущество и отправлялись в далекий путь к святым местам, где Он жил, чтобы хоть как-то приобщиться к событиям, изменившим мир.

Я сделал это отступление, чтобы вы могли представить, что такое Средневековье и жизнь людей, которые ясно понимали, что предназначение – жизненно важный вопрос. Затем последовал долгий путь, на котором человек стал говорить: «Нет, это неправда, этого не может быть, реальность не может быть столь величественной и прекрасной, нет, реальность – это что-то другое, я создаю ее в своей голове, при помощи политики. Мы создадим нового человека. Мы обойдемся без Бога, мы можем выбраться из этого состояния несовершеннолетия [15], в котором человек нуждался в Боге, мы справимся сами!» XIX и XX века стали воплощением такого мышления. Понимание культуры и способность чувствовать словно были утеряны; необходимо вновь обрести их, и Данте может помочь нам в этом. Однако сперва следует приложить усилие, чтобы постичь его «путешествие».

Каковы характерные черты истории Данте? Я бы сказал так: Данте и люди Средневековья, флорентийские торговцы и граф Брузати, святой Франциск Ассизский и пять тысяч его последователей знали, что жизнь можно определить одним словом – словом «*желание*». Жизнь – это желание, устремленность к Истине, «заряженность» энергией движения к ней. Не думайте, что «Божественная комедия» говорит о жизни после смерти или о Божественной сущности. Изначальный вопрос, которым обеспокоен Данте, касается не потусторонней жизни, не существования после смерти; его изначальный порыв – это изумление перед реальностью. Перед реальностью, которая обращается к тебе и влечет тебя. С того момента, как ты появился на свет, как вышел из материнской утробы, тебя интересует окружающее, ты движешься к чему-то, познаешь привлекательность различных объектов. Однако никакие объекты не способны полностью удовлетворить, и поэтому возникает вопрос религии.

Я бы сказал, что проблема религии второстепенна, что она находится на втором месте после экзистенциальной проблемы. Человек, приходящий в мир, не задумывается о Боге, он задумывается над тем, как любить женщину, почему человек умирает, почему в жизни так много боли, что значит иметь друзей и быть верным другом, зачем нужно есть и пить, что такое истина и ложь, что такое добро и зло – вот первостепенные вопросы человека. И только благодаря постоянному стремлению человека к добру возникает тот самый вопрос: «Существует ли Нечто, что поддерживает все на свете? Что-то, что способно спасти эту реальность, которая подвержена смерти и времени. Есть ли этот Кто-то?»

Так рождается религиозный вопрос, и Данте становится нашим спутником, чтобы помочь нам трезво принять жизнь. Он не поучает, а предлагает пережитую им драму: «Если действительно хочешь возмужать, ты должен до конца пережить драму собственной свободы».

Не я придумал этот вопрос о желании – сам Данте говорит, что желание есть суть всей жизни. Меня поразила доклад Центра социологических исследований[16], где сказано, что трагедия нашего времени заключается в отсутствии желания: человеку трудно желать. «Проблема нашей страны кроется в уменьшении желания во всех аспектах человеческой жизни. Мы все меньше и меньше хотим создавать, расти и искать счастья»[17]. И поэтому обнаруживается хрупкость как личности, так и общества; появляется растерянность, отношение ко всему наполняется безразличием, цинизмом, пассивностью; люди словно приговорены к настоящему, они не владеют ни глубиной прошлого, ни взглядом в будущее, то есть не имеют истории. Молодежь без собственной истории, застывшая на месте от ужаса и страха перед жизнью, неспособная найти силы, чтобы сделать хотя бы один шаг. «Снова обрести способность желать – наибольшая из добродетелей, способная оживить динамику успокоенного и удовлетворенного общества».

Мы не могли сослужить лучшей службы нашей стране и себе самим, кроме как принявшись за чтение Данте, *поэта желания*.

Предоставим же слово самому Данте, послушаем, что он говорит в своем «Пире» о желании: *«Предел стремлений каждой вещи, стремлений, изначально вложенных в нее самой природой, есть возвращение к своему началу»*[18]. То есть любая вещь, говорит он, описывая действительность, по природе своей стремится к истоку; *«а так как Бог – Начало наших душ и Создатель их по Своему подобию (как написано: „Сотворим человека по образу Нашему и подобию“), то и душа больше всего стремится вернуться к этому Началу»*[19].

Так как мы происходим от Бога, говорит Данте, и созданы по Его образу и подобию, чего ищет наша душа, наш дух, к чему стремится наше естество, когда приходит в мир? Воплотить в жизнь этот образ, вернуться к этому началу. И так, *«подобно путнику, который идет по дороге, по которой он никогда не ходил, и принимает каждый дом, увиденный им издали, за постоянный двор, но, убедившись, что это не так, переносит свои надежды на другой дом, и так от одного дома к другому, пока не дойдет до постоянного двора»*[20], как странник, ищущий гостиницу или путешествующий в горах в поисках приюта, всегда смотрит вверх, видит крышу и говорит: *«Смотри-ка, там я найду пристанище, это постоянный двор»*. Но приходит и видит, что это не постоянный двор, а только горная заимка. Тогда он идет дальше, и все повторяется, от пристанища к пристанищу он заблуждается: расходится с реальностью, приняв одно за другое, пока наконец не добирается до объекта своего желания, до цели, до дома: *«Так и душа наша, едва ступив на новый и еще неведомый ей путь этой жизни, направляет свой взор на высшее свое благо как на предел своих мечтаний и потому думает, что оно пред ней всякий раз, как она увидит вещь, которая кажется душе носительницей какого-то блага»*[21].

Душа, наше естество – это устремленность к Благу с большой буквы, Благу самому великому, имя которому – счастье, это желание великого Блага, но она принимает малое благо за Благо наивысшее. Почему? *«А так как знания души поначалу несовершенны, поскольку она еще неопытна и ничему не обучена, малые блага кажутся ей большими, а потому о них она прежде всего и начинает мечтать»*[22].

Когда мы приходим в мир, наше познание *«неопытно»*, у нас нет опыта, и оно *«ничему не обучено»*, у нас еще нет ума, поэтому *«малые блага кажутся ему большими, а потому о них оно прежде всего и начинает мечтать»*[23].

А по-другому просто не может быть. К чему привяжется едва родившийся младенец? К груди своей матери – он чувствует только голод. Как проявляется в его первых поступках стремление души к бесконечному? В голоде, жажде, в привязанности к груди матери: грудь матери кажется ему раем. И потом, взрослея, он начинает понимать, что это не так, и начинает желать чего-то большего. *«Мы видим, что малыши мечтают о яблоке [посмотрите на современных детей: они сходят с ума от мороженого, а здесь говорится о яблоке], затем, когда подрастают, мечтают о птичке [после яблока – игрушка, то есть нечто большее; в те времена,*

по всей видимости, играли с птичками]; *еще позже* [и вот наконец мы достигли нашего возраста] – *о красивой одежде, а со временем – о коне* [машине, мотоцикле], *потом о женщине; а потом мечтают о небольшом богатстве, затем о большом и еще большем. Происходит же это потому, что душа, не находя ни в одной из этих вещей того, что ищет, надеется обрести искомое в дальнейшем. И мы видим, что глазах нашей души одним желаемым загоразживается от нас другое, образуя как бы пирамиду*»[24].

Реальность представляет собой нечто вроде пирамиды, вершина которой, самая маленькая точка, кажется нам соразмерной нашему желанию. Мы получаем желаемое, и оказывается, что этого не хватает, мы разочаровываемся, мы понимаем, что цель, то, что мы ищем и желаем, всегда больше, чем то, чем мы завладели. Желание, таким образом, заставляет нас идти от одного к другому, от одной вещи к другой, и за ожиданием всегда следует разочарование, пока разум рациональным, абсолютно разумным образом не откроется для возможности Бога. Поскольку при таком развитии событий человек начинает понимать, что ничто не может его удовлетворить, что он всегда желает большего, чем то, что он уже нашел и что может вообще найти.

Следует обратиться к Леопарди, чтобы найти столь же точное и глубокое определение динамики человеческого возрастания. Таким образом мы отбросим всякое подозрение в том, что это касается только священников и христиан: такова природа человека! И Леопарди, не христианин, материалист XVIII века, в моменты истинного прозрения пишет: *«Невозможность удовлетвориться какой-либо единой земной вещью, ни даже всею землей целиком, осознание неизмеримой обширности пространства, бесконечности и бесчисленности миров и понимание того, что все мало и крохотно по сравнению с силами моей души. Представлять себе бесчисленные миры и бесконечную Вселенную и чувствовать, что наша душа и наше желание гораздо больше этой Вселенной; постоянно обвинять вещи в их недостаточности и ничтожности, мучиться от отсутствия, пустоты и поэтому от скуки кажется мне самым большим признаком величия и смирения, затаявшихся в человеческой природе»* [25].

Даже если мы представим себе целую Вселенную, бесконечное количество миров – все это мало и крохотно по сравнению с душой человека. Сам Леопарди называл *скукой* это чувство, которое навсегда вошло в сердце человека, в его внутренний мир, как *«столп алмазный»*[26]. Он называл «скукой» те моменты человеческой жизни, когда человек видит некий объект, пробуждающий в нем желание, но затем, когда он к нему устремляется и овладевает им, разочаровывается, поскольку этот предмет, хотя и пробудил желание, не способен удовлетворить его.

Именно так жили эти люди.

Нам трудно вставать поутру, смотреть в зеркало и задаваться такими вопросами, нам сложно поверить, что счастье и благо необходимы, а желание непреодолимо; нас не задевает желание любить и неумение любить, нам трудно вообразить горизонты истинной дружбы и взглядеться в многогранность жизни. А все потому, что люди страдают и умирают, и даже если не умирают, то уверены, что смертью пронизано абсолютно все. Сложно распознать в себе эту боль, драму и напряжение, сложно желать и искать нечто такое, что могло бы спасти нас от этой смерти, сковавшей все вокруг.

Это чувство, это сознание незнакомо нам, мы живем в мире, который утверждает обратное: *«Оставь, все это чепуха, подумай о дне сегодняшнем, *carpe diem* – лови день, насладись тем, что ты сегодня принесешь домой»*.

Подумаем же о тех временах, когда для парня двадцати лет было абсолютно естественно, проснувшись утром, идти по своему городу, неся в сердце вопрос, и это помогало ему жить, заставляло чувствовать себя человеком, а не животным: *«Ты пищу, для которой единственно я рожден»*. То же самое можно сказать словами Данте: *«Вы созданы не для животной доли, / Но к доблести и к знанию рождены»* [27] – вы родились, чтобы познать Истину! И даже больше!

Не только для того, чтобы познать ее разумом, но чтобы повстречать ее и полюбить по-настоящему, чтобы обнять ее. Ведь если Истина существует, она придает форму всем отношениям, она является реализуемым благом. Более того, познав Истину, мы полюбим реальность, поскольку она есть вместилище Истины; тогда время может стать созидательным, положительным, и вы сможете почувствовать, что жизнь полезна – для себя и для истории.

Когда я говорю о «желании», я имею в виду три вещи.

Все они настолько укоренены в человеке, настолько неотделимы от его сущности, что их можно было бы назвать *тремя измерениями* личности, соотносящимися с тремя измерениями Личности Божественной.

Каковы эти три измерения? Три богословские добродетели, то есть добродетели Бога: вера, надежда и любовь. Вера – познание Истины, любовь – воплощение Истины в жизни, и надежда на то, что это воплощение окажет позитивное влияние на будущее.

Познать Истину, любить реальность, жить надеждой, то есть полезностью времени, – вот чего жаждет сердце человека. Как меня учила в детском саду сестра-монахиня: «Для чего Господь создал нас? Чтобы познать Его, полюбить Его и служить Ему в этой жизни и наслаждаться Им в раю». Мы созданы для этого: есть ли что-то более важное в жизни, чему нужно научиться и что нужно понять? Я говорю это не для благочестивых верующих: я бы повторил все уже сказанное любому, независимо от его отношения к религии, как делаю это в школе. Я говорю ребятам: «Скажите, что бы вы ответили на такой вопрос: есть что-то более важное в жизни, чем эти три вещи, знаете ли вы о чем-либо более важном для познания и понимания?»

И даже такой явный атеист, как Уго Фосколо, рассуждая о различии человека и животного, в знаменитом стихотворении «Гробницы» (1806) пишет об этом: «*С тех самых пор, как проповедью страстной / С высоких алтарей зверье людское / Призвали к состраданию жрецы*»[28]. Люди превратились из животных в людей в тот день, когда они задумались о судьбе. «Жертвенники», или алтари, – это вопрос религии, «браки» – проблема привязанности, вопрос жизненного предназначения мужчины и женщины, «суды» – проблема справедливости, политики, общественного блага. Когда появились эти три составляющие – появился человек. Фосколо не говорит об этом открыто, поскольку является атеистом, но завуалированно подтверждает, что человек создан по образу и подобию Божию, из веры, надежды и любви.

Не случайно первые шесть песен «Божественной комедии» строятся вокруг этой темы: первая песня является прологом ко всему произведению, следующие три связаны с проблемой судьбы (они говорят о позиции, которую следует занимать человеку, чтобы до конца по-человечески пережить «приключение» жизни); в пятой песне – тема любви (история Паоло и Франчески) и, наконец, в шестой – вопрос политики. Уже из этого можно сделать вывод: «Божественная комедия» – о том, что спасение жизни возможно, Данте говорит, что жизнь может быть свершением, удовлетворением человеческой жажды счастья.

С этого и начинается Данте. Итак, представим себе молодого человека двадцати двух – двадцати трех лет, который утром идет по Флоренции, помня об этих трех вопросах. Первый: может ли предназначение жизни быть благим? Второй: есть девушка, которая мне безумно нравится (ему было 9 лет, когда он впервые увидел ее), я хочу быть с ней, поскольку чувствую, что она будет благом для меня. Третий: может ли моя жизнь быть полезной для моего города, моих друзей, для этого погибающего мира?

Представьте теперь, что для молодых людей, пробудившихся от сна, думать об этом было привычно. Когда с Данте произошло то, о чем я сейчас расскажу, он сразу же написал друзьям, поскольку они ясно понимали, что если природа жизни – это непрекращающееся желание, то разделить эту радость – суть всякой истинной дружбы, как говорит Данте в одном из самых известных своих сонетов: «*О если б, Гвидо, Лапо, ты и я, / Подвластны скрытому очарованью, / Уплыли в море так, чтоб по желанью / Наперекор ветрам неслась ладья, / Чтобы fortuna, ревность затая, / Не помешала светлomu свиданью*»[29]. Свершение жизни, сверше-

ние дружбы – это возрастание желания: не может быть другого определения дружбы. Кто твой настоящий друг? Тот, кто поддерживает в тебе искру желания и позволяет ему произрастать, от вашего общения желание быть вместе лишь усиливается.

Вся история, вся Вселенная и весь рай есть не что иное, как непрерывное движение. И не случайно, описывая природу рая в начале и конце заключительной части «Божественной комедии», Данте использует соответствующие глаголы: «Рай» открывается словами «*Слава Тому, Кто всем движет*» и заканчивается: «*Любовь, что движет солнце и звезды*». Выбор слов у Данте всегда неслучаен: здесь это – глагол «движет». «Движение» открывает и закрывает «Рай», то есть определяет его. Почему вещи находятся в движении? Благодаря желанию, стремлению к благу и счастью, а величайшим выражением этого желания может быть только его исполнение.

Жизнь – это неустанное движение к наивысшему благу. Непреходящее желание, которое пробуждает и возвеличивает жизнь, делает ее достойной проживания.

В один прекрасный день молодой человек спешит по улицам Флоренции, обуреваемый этими тремя желаниями, и встречает *ее*. Девушке восемнадцать лет, он уже давно наблюдает за ней, но наступает день, когда она подходит, и случается непредвиденное: она обращается к нему. Иными словами, дарует ему спасительное приветствие (согласно поэзии того времени, приветствие женщины означало «пожелание здравия» тому, кого она приветствует). Его радости нет предела, ведь она сказала «да», девушка, с которой он из-за своей скромности и стыдливости не решался заговорить, более того, увидев ее, прижался к стене и опустил глаза, чтобы не встретиться с ней взглядом, а только наблюдать украдкой. А она улыбнулась ему и на самом деле даже не поздоровалась – но простой улыбки было достаточно, она приняла вызов отношений. Это меняет его жизнь, он дни напролет проводит в одиночестве: «я уединился, чтобы постараться понять, как со мной могло произойти такое невероятное событие». И он принимается писать стихи и посылать их своим друзьям.

Кавальканти отвечает ему громким сонетом, поскольку понимает: то, что произошло с Данте, отличается от того, что происходит с другими людьми, это нечто большее. Он пишет ему: «*Вы видели пределы упования*»[30]. Он словно говорит: «Данте, мне кажется, что тебе посчастливилось увидеть Истину с большой буквы, береги ее и поведай нам о ней». Впоследствии два друга расстанутся, но тогда Кавальканти понял, что Данте озарило самое потрясающее предчувствие, какое только возможно в жизни человека.

Зададимся вопросом: что же невероятное, фантастическое может случиться с человеком, созданным из плоти и костей, с одним из нас, что это за самая фантастическая вещь?

Если бы мы по-настоящему осознавали желание, которое наполняет нас, желание истины, блага, красоты; если бы мы понимали, что эти благо, истина и красота могут совпадать только с бесконечностью, с тем, что мы называем Богом (для удобства воспользуемся именно этим словом); если бы при этом наше чувство к конкретной женщине, к конкретной девушке оставалось бы столь же верным, сильным и истинным, то что же самое невероятное могло бы произойти в жизни человека, что могло бы кардинально изменить ее? Внезапное открытие или предчувствие того, что эта женщина является *воплощением* (мы используем это слово, потому что иначе и не скажешь) Тайны.

Иными словами, это открытие означает, что любовь к женщине равносильна любви к Тайне, что говорить с Богом, быть с Ним, ощущать Его спутником жизни может быть проявлением любви к ней.

Эта девушка могла стать *Беатриче* в этимологическом смысле, то есть той, которая несет истину, блаженство, столь долгожданное благо, казавшееся недостижимым в исторической перспективе.

Есть только одно слово, способное назвать вышеописанное, – «*чудо*». Эта женщина, эта встреча – *чудо* жизни, потому что здесь пребывает Тайна Бога. И, ценя ее, обнимая ее, прощая

ее, скорее принимая прощение от нее, я уверенно иду к своей судьбе. «*Узрев небесное, благоговеет, / Как перед чудом, этот мир земной*»[31]. Да, это чудо. Чудо столь могущественное, что меняет жизнь человека, обновляет ее, творит *Новую жизнь*: другую, более достойную, истинную, открывающую способность любить, принимать другого, то есть прощать его. Я говорю о Данте и Беатриче, но, говоря о них, подразумеваю христианский брак, поскольку христианский брак – это ощущение, что в объятии другого, в объятии другой – объятие Бога.

Мы могли бы привести сотни примеров из «Новой жизни», в которых Данте пытается описать свой опыт. Вот один отрывок: «*Говорю, что когда я обрел уверенность в том, что буду спасен, что жизнь спасена, ничего я не чувствовал посторонним для моей жизни, ее врагом*»[32]. Сможем ли мы представить себе, что означает чувствовать в реальности нашего друга? «*У меня не было больше врагов, но пламя милосердия охватывало меня, заставляя прощать всем, меня оскорбившим. И если кто-либо о чем-либо спрашивал меня, ответ мой был единственным: „Любовь“, а на лице моем отражалось смирение*»[33].

«Новая жизнь» – впечатляющий рассказ об этом превращении, о появлении чувства абсолютной новизны бытия, предчувствии чуда – того, что эта девушка может стать спутницей всей жизни.

Однако девушка, которая привнесла в жизнь Данте новую способность мыслить, новую милосердную любовь, благоволение, способность прощения, неожиданную радость, внезапно умирает. Умирает в двадцать пять лет. Именно тот знак, который позволил ему вкусить столь долгожданное счастье, внезапно отнимается, исчезает. Данте опустошен, разбит, у него ничего не осталось. Но как? Скажите мне, для чего нужна настоящая дружба, если не для того, чтобы говорить о самых серьезных, самых сложных вещах. Почему природа, благодаря которой я появился на свет с бесконечным желанием добра, истины и красоты и которая позволила увидеть все это в девушке и почувствовать в отношениях с ней, потом вдруг предает все это?

Это же противоречие заставляет нашего друга Леопарди восклицать после смерти Сильвии: «*Природа, о Природа, / Зачем ты не дала мне / Того, что обещала? Для чего / Обманываешь ты своих детей?*»[34]. Зачем ты с малых лет вселяешь в меня надежду на бесконечное благо, а потом предаешь меня?

Не все ли мы оказываемся на подобном распутье? Не то ли это распутье, на котором мы оказываемся в отношениях с женой? Не обязательно из-за смерти, но просто потому, что всякие отношения несут в себе возможную смерть. Не в этом ли великий вопрос жизни?

Леопарди будет умело и отважно развивать этот вопрос, ни на шаг не отступая, поражая своей силой.

Ученики всегда спрашивают меня: как же он не покончил с собой? На что я отвечаю: «Потому что он был убежден, что в этом вопросе сокрыт путь к величайшему достоинству человека». Вопрос, возможно, риторический, однако он действительно указывает на величие человека: «*Мучиться от отсутствия, пустоты и впоследствии скуки кажется мне самым большим признаком величия и смирения, затаившихся в человеческой природе*» [35]. Так поступает Леопарди, а Данте, христианин Данте, средневековый человек Данте говорит: «Нет, Христос не мог умереть, оставив все как есть, этого не может быть. Я должен отыскать этот путь. Я не знаю, какой он, этот путь, не знаю, почему он таков, не знаю, где искать его, однако должна существовать другая дорога, жизнь не может быть такой абсурдной и противоречивой».

Итак, после смерти Беатриче Данте тоже оказывается на великом жизненном распутье: либо жизнь представляет собой сплошной обман, смерть побеждает и все обречено, либо существует другой путь. То же распутье, но другой выбор.

И он обращается к своим старым стихам, перечитывает, комментирует и объясняет их, скорее для себя самого, чем для других; так он пишет «Новую жизнь», историю о своей любви к Беатриче. И заканчивает ее, возвещая о «Божественной комедии». Вот последняя страница «Новой жизни»: «*После этого сонета явилось мне чудесное видение* [впервые мне предста-

вилась возможность дальнейшего пути, возможность счастья, жизни, которую нужно понять, исследовать], *когда я узрел то, что заставило меня решиться не говорить более о благовенной, пока я не буду в силах повествовать о ней более достойно*»[36]. То есть «есть что-то непонятное в этой девушке, в этой любви, в этих взаимоотношениях. Необходимо сосредоточиться и понять, почему Бог дал мне ее, зачем дал мне встречу с ней и почему забрал ее таким образом». Необходимо понять, что же может остаться от того знака, которым она была.

Что может остаться от моей женщины, которую я люблю и о которой знаю, что она умрет? Глядя на своих сыновей, я думаю, что останется от них? Когда я смотрю на солнце и звезды, когда я начинаю говорить с вещами, возникает вопрос: что останется? Что продолжит свое существование? Что будет существовать вечно? Есть ли что-то, что позволит существовать вечно тому, что я люблю?

«Пока я не буду в силах повествовать о ней более достойно. Чтобы достигнуть этого, я приложу все усилия»[37]. Иными словами, есть над чем работать, долго и терпеливо трудиться. Это работа, великими не становятся просто так; великими становятся, неустанно трудясь и идя по своему пути, – пройдет десять лет, прежде чем Данте снова возьмется за перо, чтобы поведать всем о своем открытии: *«Чтобы достигнуть этого, я приложу все усилия, о чем она поистине знает. Так, если соблаговолит Тот, Кем все живо, чтобы жизнь моя продлилась еще несколько лет, я надеюсь сказать о ней то, что никогда еще не было сказано ни об одной женщине»*[38].

Данте осознает, что он достиг уровня, когда может надеяться рассказать об этой женщине то, что еще не было сказано ни об одной женщине никогда за всю историю человечества и никогда более не будет сказано. Или, лучше сказать, будет говориться всегда, потому что это и есть христианство, это опыт христианства: женщина, или мужчина, или друг, или община друзей знаменуют собой присутствие Тайны, которая сопровождает нас всю жизнь, даже если сам знак меняется или исчезает. Это величие христианской жизни, и оно называется спасением. Спасение: жизнь спасена, смерть – не последнее слово. Но необходимо проделать весь путь, не ища коротких троп, – как мы увидим в дивной песни первой.

А потом (подумайте только, каким он представляет рай), когда я закончу свое начинание, когда наконец расскажу о ней *«то, что никогда еще не было сказано ни об одной женщине»*, когда я напишу «Божественную комедию», *«...пусть душа моя по воле владыки куртуазии вознесется и увидит сияние моей дамы, присноблаженной Беатриче, созерцающей в славе своей Лик Того, Кто во веки веков благословен»*[39]. Что представляет собой рай? Созерцание Лица Божия? Нет, рай без моей женщины мне не нужен! Если рай существует, там должна быть моя женщина, мои папа, мама, дети и друзья, а также все, что я любил на этой земле, любил сегодня, вчера, буду любить завтра, даже поэзия там должна быть. А также трава, добавил бы святой Франциск, и облака, и дождь, и вода, и земля, и небо – все это должно быть в раю. Иначе какой же это рай? Я хочу попасть в рай и увидеть прекрасный лик моей Беатриче. Конечно, облаченный во славу Божию, то есть подлинное лицо Беатриче.

Подумайте о том, что Данте писал «Божественную комедию», осознавая, что говорит об этой жизни. Он утверждает: «Друзья, можно пройти ад, которым является жизнь». Что такое жизнь как ад? Жизнь становится адом, когда я пригвождаю тебя к твоему злу. Я вижу в тебе тот или иной изъян и распинаю тебя на нем. Это и есть ад – мы распинаем друг друга на наших недостатках, на нашей ограниченности и скудости. Таков ад. Чистилище – та же ограниченность, но прощенная, принятая и таким образом ставшая нашим путем. Те же самые пороки – семь смертных грехов – получают воздаяние в аду и составляют гору чистилища – все те же похоть, гордость, гнев... Но здесь все по-другому: в аду они определяют тебя, они – последнее слово о тебе и совершенном тобой зле. В чистилище же последнее слово – добро. У тебя есть это зло, но мы можем понести его вместе, более того, все это может стать нашим путем, потому что если я прощаю тебя, а ты – меня, то это любовь. И поэтому мы можем прожить частицу

рая уже здесь, на земле. Если мы будем относиться друг к другу с достоинством, подобающим нашему назначению, мы будем в раю. Жизнь станет раем. Другими словами, реальность не предаст обещание, и жизнь будет благом, путем, «приключением», которое непрестанно будет воплощать это благо.

В итальянском языке слово *desiderio* («желание») происходит от латинского *desidera* (где *sidereo* означает «небесный», «звездный»), иными словами, желание – это «то, что связано со звездами». Известно, что Данте завершил каждую из трех частей «Божественной комедии» словом «звезды». Последний стих «Ада»: «*И здесь мы вышли, чтобы вновь увидеть звезды*»; последняя строка «Чистилища»: «*Чист и достоин подняться к звездам*». И наконец, последняя строка «Рая»: «*Любовь, что движет солнце и другие звезды*»[40]. Это поистине его подпись.

На латыни слово «звезды» звучит как *sidera*. Вот почему так очевидна соотнесенность желаний со звездами: «Друзья, я говорю вам о той возможности, когда ваша жизнь, нынешняя, сегодняшняя, не погибнет; „смерть“ или „зло“ не станут ее последними словами. Я поведу вас за собой, чтобы показать: ваша сегодняшняя жизнь состоит из мелкого и преходящего, но она будет спасена, ибо все преходящее будет спасено. Все связано со звездами, все исполнено желания и, Божьей милостью, соотнесено с вечностью. Будьте честны со своим сердцем, и вы почувствуете, что именно поэтому оно бьется, поэтому человек движется, поэтому он любит, поэтому встает по утрам, поэтому у него достает храбрости, чтобы прожить грядущий день, поэтому человек рождает детей. Мы можем пойти и увидеть это вместе. Пойдемте со мной, я хочу сопровождать вас в этом путешествии, потому что я уже проделал этот путь».

Именно так следует читать «Божественную комедию», осознавая, что Данте берет за перо после того, как он увидел Бога, после того, как прошел весь путь... Он возвращается, чтобы собрать друзей и рассказать им: «Друзья, я буду сопровождать вас и покажу, как можно жить», жить на высоте собственного желания, ощущая, что ни один волос не упадет с головы, как обещано Иисусом в Евангелии, поскольку даже самая ничтожная деталь, слово или привязанность, зародившиеся сегодня вечером, симпатия, зародившаяся вчера, – все, даже самая маленькая вещь, связано со звездами, бытием, тайной и поэтому спасено.

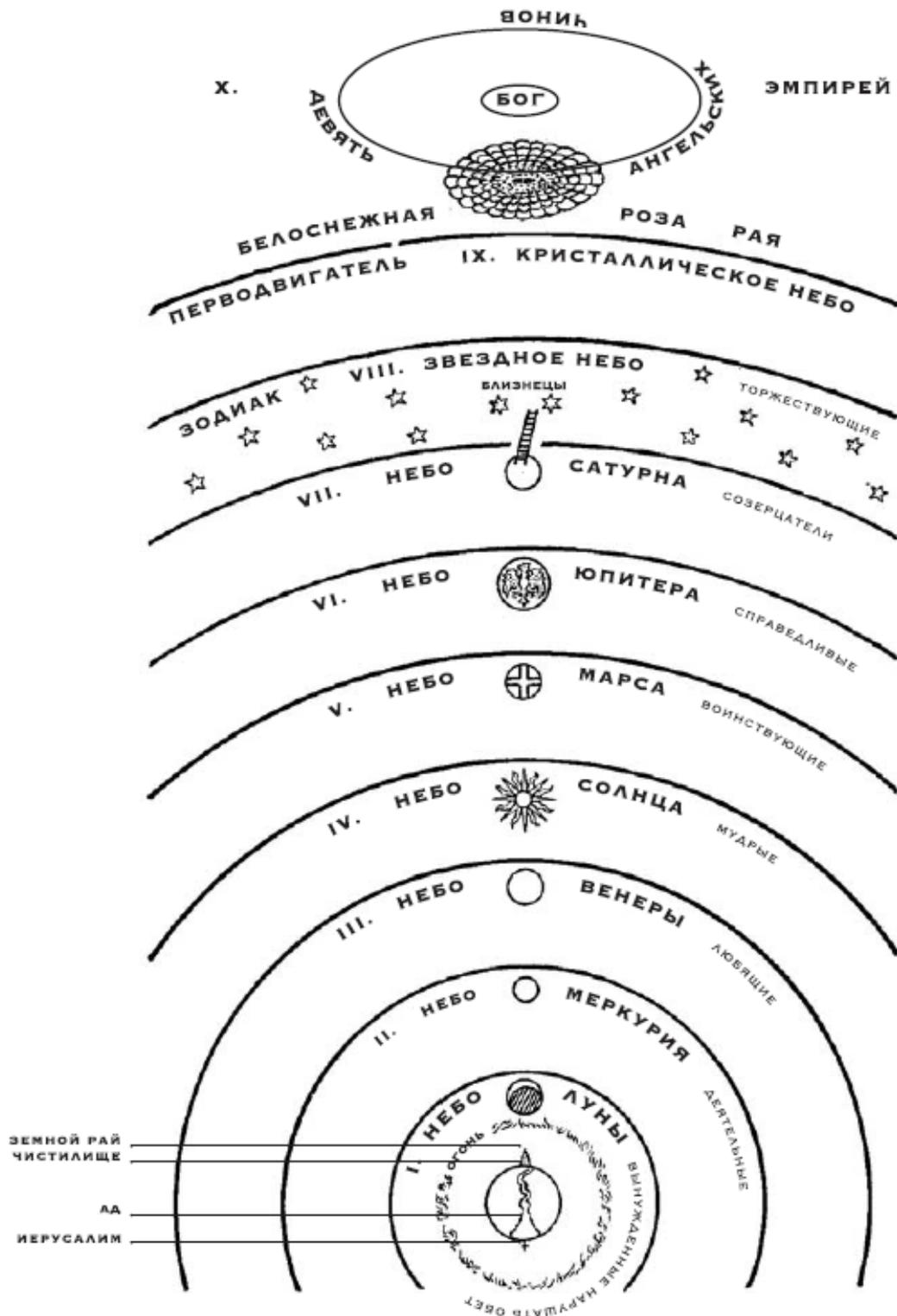
«Божественная комедия» – это история человека, который видит, что жизнь спасена. Преодолев мучительные страдания, опыт смерти Беатриче, заставившей его сделать огромный шаг вперед, он понял, что в его отношениях с ней спутником был Бог, бесконечная Красота, которая более не покидала его, но наполнила жизнь и позволила вновь обрести Беатриче.

Часть I Ад Inferno

Песнь I «Я очутился в сумрачном лесу»

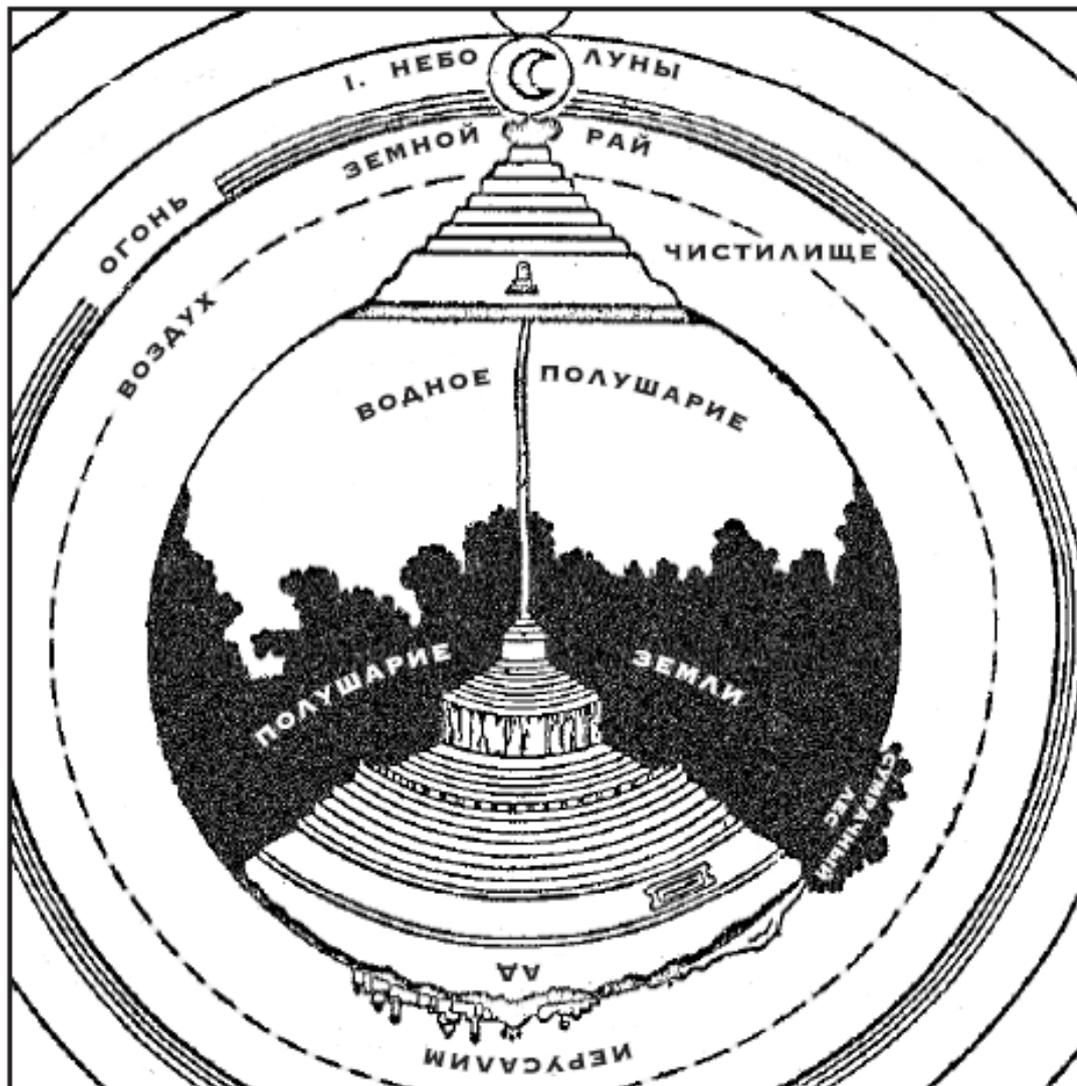
Мы уже говорили о том, что с самого рождения человек стремится максимально реализовать себя и что жизнь содержит в себе обещание блага, счастья, истины. Почему это слово – «обещание», наполняющее смыслом желание, обладает такой пробуждающей силой?

Обратимся к двум молитвам из литургии часов, которые были очень близки Данте: песнь Захарии, *Benedictus*[41], и песнь Богородицы, *Magnificat*[42]. В первой молитве, читаемой по утрам, говорится: «Благословен Господь Бог <...>, что <...> воздвиг рог спасения нам <...> Как возвестил устами бывших от века святых пророков Своих» (см.: Лк. 1: 68–70). Другая великая молитва, которую читают вечером, *Magnificat*, заканчивается так: «воспринял Израиля, отрока Своего <...> как говорил отцам нашим» (Лк. 1: 54–55). Библейское обещание «отцам нашим» означает обещание, затрагивающее глубины нашего сердца: там таится ожидание блага, обещанного Аврааму и его потомству раз и навсегда. Итак, можно сказать, что в момент прихода в мир нам дано обещание блага.

Данте предчувствовал и распознал его в Беатриче, но она умерла. На протяжении долгих десяти лет он размышляет над своей историей, пытаясь постичь смысл случившегося, понять, куда ведет его жизнь: «Чтобы достигнуть этого, я прилагаю все усилия, о чем она поистине знает»[43]. Постоянная рефлексия, самоанализ, приводит его к интуитивному пониманию

возможного пути, и он следует по нему, постепенно открывая для себя доселе сокрытые положительные стороны жизни. Через томительные, противоречивые искания красной нитью проходит надежда на исполнение *обещания*, ведущего к исполнению желания. Данте осилил этот путь и рассказывает нам о нем.

ЗЕМЛЯ

Перед тем как начать чтение песни первой «Ада», следует сделать два отступления.

Первое отступление касается структуры путешествия. Мир, по мнению Данте, представляет собой сферу, в определенном месте которой находится огромная воронка – бездна, то есть ад: когда Люцифер восстал против Бога, он был низвергнут на Землю, которая словно сжалась от брезгливости, образовав с одной стороны эту пропасть, а с противоположной – гору чистилища.

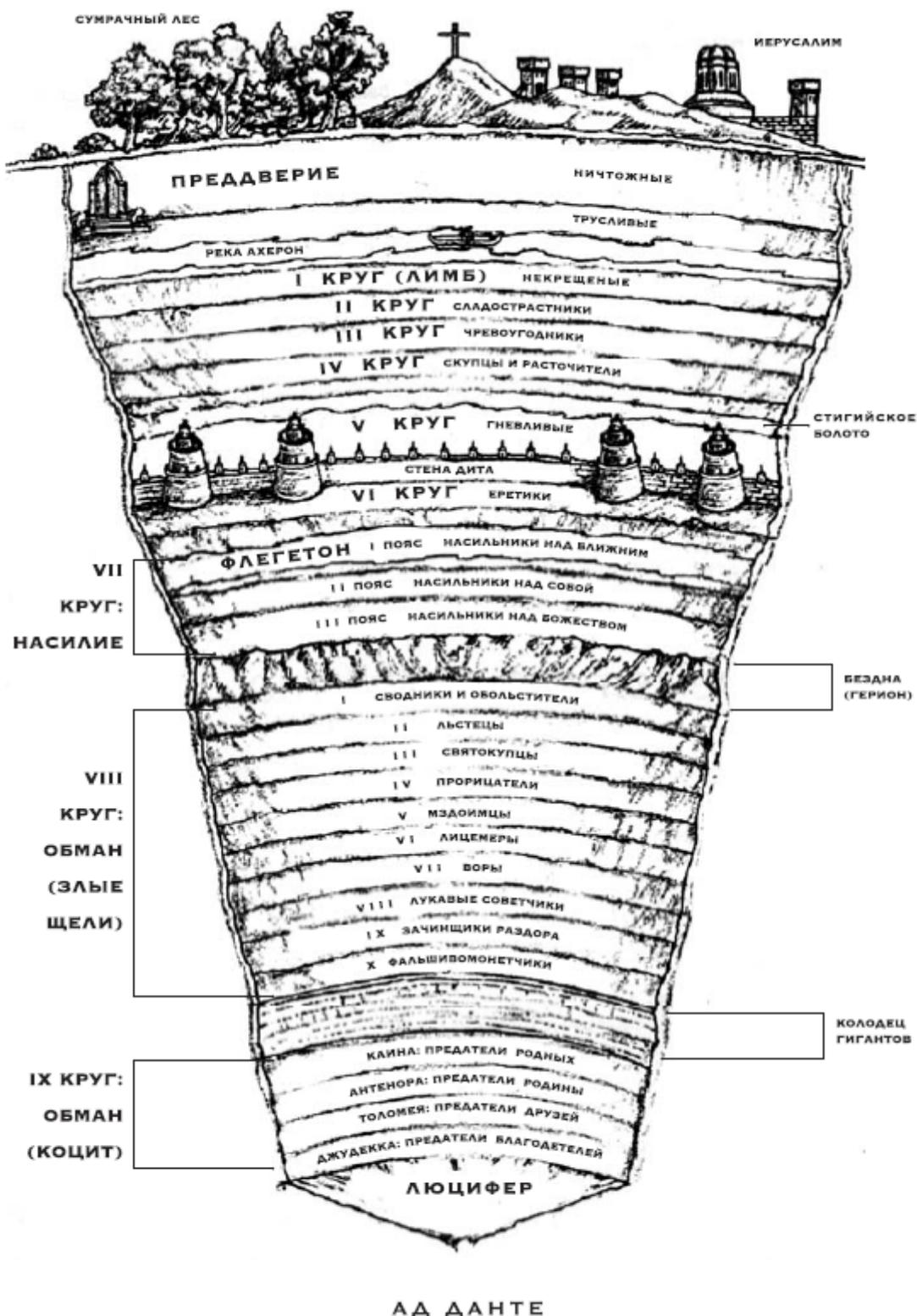
Путь Данте начинается в сумрачном лесу, и, преодолев несколько кругов, он спускается в самую глубину ада, на дно воронки, то есть в самый центр Земли – туда, где заточен дьявол. Затем, пройдя через «стены склепа», оказывается с противоположной стороны Земли у подножья горы чистилища, добирается до ее вершины, где, по его представлениям, располагается земной рай. Там Вергилий оставляет его, и приходит Беатриче, которая станет его проводником по девяти небесам вплоть до конечного видения, когда он лицом к лицу увидит Бога.

Зная, как устроена Земля, мы можем представить себе, что дорога в ад является сходжением вниз. Однако если вы попробуете нарисовать этот мир и маршрут Данте (прямая линия, без единого отклонения) на листке бумаги, а затем перевернете его, вы сделаете открытие, чрезвычайно важное для понимания «Божественной комедии». Вы увидите, что путешествие сквозь ад – это начало подъема, и этот путь ведет поэта из сумрачного леса к Богу, к свершению желания – через ад, и кажущийся спуск в преисподнюю является началом подъема.

Нужно помнить, что в Средние века макрокосм и микрокосм считали зеркальным отражением друг друга, поэтому схема Данте одновременно изображает и Вселенную, и сердце человека как ее отражение, подобие. Таким образом, жизненный путь ведет нас к обретению нашего истинного «я». Поиск утраченного «я» невозможен без соприкосновения со злом (его воплощение есть ад), но приводит к искуплению и прощению, которое Христос сделал возможным, открыв людям, что Бог есть милосердие (следовательно, это путь к благу и к истине). Благодаря Ему нам доступен опыт рая на земле, знание того, что жизнь спасена. Когда такой человек, как Данте, произносит слова молитвы «Отче наш, сущий на небесах», они значат для него «Отче наш, живущий в глубине Вселенной», иными словами – «Отче наш, живущий в наших сердцах». Итак, жизненный путь становится путешествием в глубину собственного сердца в поисках своего истинного образа, задуманного Господом.

И второе отступление. Вся «Божественная комедия» построена на противопоставлении света и тьмы. Это поэма света, причем жизнь человека (как это беспощадно описано в первой песни) является опытом тьмы, слепоты. Начало пути – сумрачный лес, место, где вещи в темноте неразличимы. А значит, их невозможно познать и невозможно полюбить такими, какие они есть, это ад, это смерть. Данте говорит нам: в начале пути все мы слепы, и суть в том, чтобы явилось нечто, что смогло бы осветить наше существование и таким образом дать нам возможность истинного познания вещей, познания жизни такой, какая она есть. Ибо незнание означает терпеть вещи, не понимать и не иметь возможности любить их, не иметь возможности надеяться, тогда как жизнь порой буквально опрокидывает тебя, а ты не имеешь точки опоры...

Итак, все мы слепы. «Божественная комедия» призвана показать, что есть свет, способный озарить жизнь человека и его сознание, открыть его познанию Истины, воплощению добра и созиданию, исполненному надежды. Человек должен честно признать: мне нужно что-то, способное осветить жизнь, я нуждаюсь в том, чтобы существовал Бог, я нуждаюсь в том, чтобы существовал смысл вещей, смысл, который я не могу обнаружить самостоятельно.

«*Просветить сидящих во тьме и тени смертной*»[44], – такими словами заканчивается Песнь Захарии, в этих же словах смысл «Божественной комедии». От тьмы к свету, чтобы «*просветить сидящих во тьме и тени смертной, направить ноги наши на путь мира*»[45]. То же самое говорит Данте: «*Чтобы привести людей из состояния бедствия к состоянию счастья*»[46].

Не случайно в «Божественной комедии» так часто повторяются слова, связанные со способностью видеть («взгляд» и др.). Действительно, возможность видеть – это спасение. Все в жизни зависит от того, на что мы смотрим, куда устремляем свой взгляд. Ведь нередко случается, что свет есть, но мы живем с закрытыми глазами. Поэтому Данте, наставляя нас перед началом пути, говорит о необходимости первого шага – открыть глаза.

Для чтения текста, а значит, и для вживания в него надо открыть глаза, что сегодня многим дается с трудом. В Библии сказано: «*И хотя призывают его [народ] к горнему, он не возвышается единомушину*» (Ос. 11: 7). Если так говорил пророк три тысячи лет назад, то, похоже, с этим всегда было непросто, однако сегодня кажется особенно трудным открыть глаза и осознать потребность в свете и истине...

Итак, теперь мы готовы приступить к чтению «Божественной комедии».

*Земную [нашу] жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.*

«*Нашу жизнь...*» Почему Данте использует притяжательное прилагательное в форме множественного числа, когда действующее лицо – в единственном? «*Я очутился...*» Это важный поэтический оборот. Данте чувствует свою ответственность, ведя людей к жизни, которую стоит прожить, и делает читающего главным действующим лицом: «Я говорю с тобой – и говорю тебе, поскольку все, что я видел, невероятно близко каждому человеческому сердцу. Для вас я пишу об этом и сопровождаю каждого из вас. Я говорю о вашей жизни».

В первом стихе «Божественной комедии» используется императивное, присваивающее «*наша*», уже здесь происходит выбор. Это действительно ответственность, поэт даже назовет ее прекрасным словом – «*милость*» к самим себе. Будьте милосердны, нежны по отношению к самим себе, любите себя. Для того, чтобы начать жизненный путь, мы должны иметь хотя бы немного любви к себе, немного уважения, давайте начнем хотя бы с этого малого.

Строка «*Земную [нашу] жизнь пройдя до половины*» может показаться невероятно простой, но это далеко не так. Путешествие поэта начинается в Страстную неделю 1300 года, когда Данте исполнилось ровно тридцать пять лет. Известный псалом (Пс. 89: 10) гласит: «*Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет*» – следовательно, тридцать пять лет представляют собой середину жизни. Более того, год, в котором он совершает свое знаменательное путешествие к спасению и показывает, что оно доступно людям, – это Юбилейный год, год первого Юбилея в христианской истории. Год благодати, прощения и празднования спасения[47].

Но и это не все: именно в 1300-м году Данте был избран одним из приоров флорентийской коммуны. Во всем достигнув успеха, он мог бы заявить: «Я в полном порядке, я создал и обеспечил семью, я успешен в политике, у меня все получилось». Однако он словно говорит: «В этом году я достиг всего; но именно сейчас я начинаю честно смотреть на себя, на свою жизнь и свою историю. И что же я могу сказать о жизни, истории и себе? Я достиг достатка, успеха в политике и в отношениях с женщиной (у меня есть вилла на море, счет в банке, здоровье – могли бы добавить мы). Но, имея все это, я все равно не приблизился к главному в жизни, потому что главное – это свет. Можно ли любить так, как заповедал Господь, иметь

возможность пожать руку тому, кого называешь другом, и понимать, что это значит? Может ли быть, что смерть Беатриче и все смерти, с которыми встречаются люди, – это не конец? И что могу сказать я, оказавшись лицом к лицу с этой неугасаемой потребностью жизни? Что я могу сделать в одиночку? Ничего – я словно ослеп».

Таково основополагающее условие человеческого существования: с точки зрения природы человек – слеп, ибо не в нас свет. Если мы будем честны и искренни сами с собой, то что мы скажем о себе самих? Лишь об острой нужде видеть и о неспособности видеть.

«Земную жизнь пройдя до половины» – когда-то я думал, что все в этой строке понимаю, но должен признать, что был слеп: *«Я очутился в сумрачном лесу, / Утратив правый путь во тьме долины»*. Постараемся искренне и честно ответить: разве есть другое определение, столь точно описывающее, чем мы являемся, наш каждодневный опыт?..

Вокруг нас страдают и умирают люди, а мы ничего не можем с этим поделать, потому что истина словно ускользает от нас, и порой кажется, что смерть, зло лишают нас всего. И детям знакомо это, потому что в чем-то они менее защищены, чем мы. Цинизм взрослых порой похож на бетонную плиту, закрывшую доступ к их желанию, дети же в этом смысле более непосредственны, может быть, более ранимы, но неиспорченны. Я всегда говорю ученикам: «Если вечером в субботу или воскресенье вы идете спать, чувствуя горечь из-за того, что выходные не оправдали ваших ожиданий (иногда я читаю им „Субботу в деревне“ Леопарди), то вам следует честно сказать себе: „Я очутился в сумрачном лесу, эта жизнь нуждается в свете“». Ведь в темноте, даже не желая того, мы можем причинить боль как самим себе, так и другим. Необходимо, чтобы жизнь озарил некий свет, а без света разве это жизнь?

*Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несусь!
Так горек он, что смерть едва ль не слаще.*

Что это за жизнь, если мы живем слепо и абсурдно, сталкиваясь с предательством того обещания, с которым пришли в мир? Это жизнь настолько горькая, безрадостная и безысходная, что мы проживаем ее, словно уже умерли. Это не жизнь, если *«смерть едва ль не слаще»*.

Но – и вот решающие слова, о которых я уже упоминал:

*Но, благо в нем обретешь навсегда,
Скажу про все, что видел в этой чаще.*

Мы находим здесь поразительное понимание непрерывности пути: если поддаться этой слепоте, она определит дальнейший путь. Чтобы продвинуться в поиске добра, содержащегося в жизни, нужно начать с того, что, трезво оценивая свое человеческое положение, не страшиться его. Наша слабость, наша уязвимость, наша ничтожность, наша неспособность спасти жизнь свою и наших детей, жен, мужей и друзей – это бессилие может стать нашей силой. Оно должно преобразиться в молитву, в неустанный поиск блага.

И как ни парадоксально, но даже грехи могут стать началом. Каков же первый шаг?

*Не помню сам, как я вошел туда
[в этот сумрачный лес],
Настолько сон меня опутал ложью,
Когда я сбился с верного следа.*

Я не знаю, как там очутился. Другими словами: «Друзья, мы рождаемся в сумраке. Не вследствие какого-то нашего проступка, это исходная сущность человека».

*Но к холмному приблизившись подножью,
Которым замыкался этот дол,
Мне сжавший сердце ужасом и дрожью,*

*Я увидал, едва глаза возвел,
Что свет планеты, всюду путеводной,
Уже на плечи горные сошел.*

Я в сумрачном лесу, я ничего не вижу, но вот я подошел к холму, туда, где заканчивался темный лес, вселявший ужас в мое сердце, я поднял глаза, включил свой разум. И что подсказывал мне разум? Что где-то должно быть солнце. Если есть я, то где-то должно быть то, к чему я стремлюсь, иначе никак нельзя объяснить переполняющее меня стремление. Как говорил великий Павезе, «если никто ничего не обещал нам, то чего же мы ждем?»[48]. То есть если мы ждем чего-то, значит, кто-то и что-то обещал нам – это и есть изначальное обещание.

Итак, здраво рассуждая, я понимаю, что где-то должно быть солнце.

«Я увидал, едва глаза возвел, / Что свет планеты, всюду путеводной [свет солнца], / Уже на плечи горные сошел». «Планеты, всюду путеводной», позволяющей идти по своему прямому пути. Очевидно, что речь идет о Боге: на протяжении всей истории человечества солнце является образом Бога во всех культурах, во всех традициях... И тут нельзя не вспомнить слова святого Франциска: *De Te, Altissimo porta significazione* («Твое он, Господи, носит знаменование»)[49].

Затем Данте вздохнул с облегчением:

*Тогда вздохнула более свободной
И долгий страх превозмогла душа,
Измученная ночью безысходной.*

Он увидел, как солнце освещает вершину холма, и почувствовал, что в жизни есть смысл, его страх рассеялся.

Так говорит сердце, и так говорит разум... Все религии рождаются из этой констатации разума: я не знаю Его, не знаю, кто Он, но где-то должен существовать Бог.

Я сознательно использовал слова «*сердце*» и «*разум*», поскольку для Данте они равнозначны. В библейском понимании оба они означают вместилище надежды и веры. Но это также можно назвать «*религиозным чувством*», то есть стремлением найти связь вещей. Слово «*религия*» происходит от латинского глагола *ligare* (соединять), а *religio* означает способность вещей быть чем-то единым, совокупностью, общностью, *универсумом* (само это чудесное слово является Божьим вознаграждением придумавшему его). *Universo* – то есть «к единству». Бог наделил человека религиозным чувством – это и есть «желание», о котором уже шла речь; это интуиция, ощущение того, что где-то есть благословенный Бог.

*Тогда вздохнула более свободной
И долгий страх превозмогла душа...*

*И словно тот, кто, тяжело дыша,
На берег выйдя из пучины пенной,
Глядит назад, где волны бьют, страша,*

*Так и мой дух, бегущий и смятенный,
Вспять обернулся, озирая путь,
Всех уводящий к смерти предреченной.*

Я чувствовал себя пассажиром корабля, пережившим кораблекрушение, который на каком-то обломке судна, из последних сил, борется со стихией волн, он на грани гибели, он практически сдался, как вдруг почувствовал под ногами песчаное дно. Он озирается и видит бушующее море, все еще вселяющее в него смертельный ужас, но в то же время он исполнен непоколебимой надежды, поскольку крепко стоит на почве; два чувства – ужаса и облегчения – владеют им. Обернулся, взглянул на лес, откуда вышел, и, все еще испытывая страх, сказал: «Я выбрался, здесь солнце».

*Когда я телу дал передохнуть,
Я вверх пошел, и мне была опора
В стопе, давившей на земную грудь.*

Перевел дыхание, слегка восстановил силы и «вверх пошел [вновь начал свой путь, в одиночестве, к этому подъему], и мне была опора / В стопе, давившей на земную грудь». Он словно говорит: «У меня есть желание, я понимаю, в чем нуждаюсь, я предчувствую существование Бога и ставлю все, что имею, на это. Движимый религиозным чувством, я самостоятельно иду к Богу, к Истине». Но это не так просто:

*И вот, внизу крутого косогора,
Проворная и вьющаяся рысь,
Вся в ярких пятнах пестрого узора.*

*Она, кружа, мне преграждала высь,
И я не раз на крутизне опасной
Возвратным следом помышлял спастись
[вернуться в сумрачный лес].*

Следует необыкновенное размышление:

«Какой благоприятный момент, я вспомнил, что сегодняшний рассвет – это рассвет первого дня весны [для средневекового человека этот момент совпадал с моментом творения мира], и эта мысль вселила в меня надежду»:

*Был ранний час, и солнце в тверди ясной
Сопровождали те же звезды вновь,
Что в первый раз, когда их сонм прекрасный*

*Божественная двинула Любовь.
[То есть светила находились в том же созвездии,
что и Божественная Любовь.]*

*Доверясь часу и поре счастливой
[то есть осознание времени и дня года,
начало весны вселяли в меня надежду
перед лицом зверя, которого я встретил],*

Уже не так сжималась в сердце кровь

*При виде зверя с шерстью прихотливой;
Но, ужасом опять его стесня,
Навстречу вышел лев с подъятой гривой.
[Но когда рысь исчезла, вышел лев.
Стало хуже, чем было.]*

*Он наступал как будто на меня,
От голода рыча освирепело
И самый воздух страхом цепеня.*

Это был огромный, страшный лев, своим ревом сотрясавший воздух. Но вот он уступает место самому страшному из видений: волчице.

*И с ним волчица, чье худое тело,
Казалось, все алчбы в себе несет;
Немало душ из-за нее скорбело.*

*Меня сковал такой тяжельый гнет
Перед ее стремящим ужас взглядом,
Что я утратил чаянье высот.*

И вот появляется волчица – страшная, свирепая и ненасытная, «*чье худое тело, / Казалось, все алчбы в себе несет* [могла пожрать все вокруг]; / *Немало душ из-за нее скорбело* [из-за которой пострадали многие (стоит подумать, не там ли находимся и мы), устрашающая, вселяющая трепет, заставляющая жить во лжи]. *Меня сковал такой тяжельый гнет / Перед ее стремящим ужас взглядом* [меня охватил страх от одного только вида], / *Что я утратил чаянье высот* [что я сказал: «Все, больше не могу, я никогда не доберусь до вершины холма, туда, где есть свет»]».

Три свирепых зверя встают на пути Данте к Истине. Что они собой символизируют? Что, в частности, символизирует волчица, почему она появляется последней и не оставляет никакой надежды? Что это за три зверя, которым поэт XX века дал бы имена «похоть, лихоимство и власть»? [50] Это символы греха, зла. Не просто ошибок, которые может совершить каждый, но зла, изначально существующего рядом с обещанием блага: человек приходит в мир, отмеченный печатью зла, мир с изъяном. Изъяном, именуемым *первородным* грехом, поскольку он изначально присутствует в природе человека. Человек, руководствуясь собственным сердцем, своим ожиданием, своим желанием и даже своей способностью предположить существование Бога, не способен достичь Его. Что-то мешает ему спастись самостоятельно, обрести спасение собственными силами. «Есть место назначения, но нет пути» [51], – сказал бы Кафка.

Волчица символизирует первородный грех. Это гордыня, самонадеянность (а для того, чтобы совершить путешествие, необходимо противоположное – смирение). Первородный грех был грехом непослушания, отказом человека признать свою зависимость от другого, отказом признать себя Божьим творением.

Проиллюстрировать это помогает миф, столь точно воспроизведенный Данте в песни об Одиссее, – трагический миф об Икаре.

Дедал и его сын Икар оказались пленниками царя Миноса в его дворце Лабиринте (для нас лабиринт является символом восприятия жизни как заточения). Бежать было невозможно. Тем не менее достаточно было поднять голову, увидеть небо и солнце и понять: именно они,

а не томление в лабиринте, являются призыванием человека. И Дедал придумал, как вырваться на свободу – не морем, а по воздуху. Он смастерил крылья из птичьих перьев, связав их шнурками и скрепив воском. Им удалось взлететь, но Икар, вопреки наставлениям отца, слишком приблизился к солнцу. Оно растопило воск, и юноша упал в море. *«Но собственных мне было мало крылий»*[52].

Это притча об одиноком человеке, который, преисполненный желанием, осознает свою потребность в солнце, но не достигает его. Врожденная уязвимость мешает ему достичь желанного.

*И как скупец, копивший клад за кладом,
Когда приблизится пора утрат,
Скорбит и плачет по былым отрадам,*

*Так был и я смятением объят,
За шагом шаг волчицей неумной
Туда теснимый, где лучи молчат.*

И вот я оказался в этой ужасной ситуации, как тот, кому сопутствует невероятная удача и в одно мгновение оставляет его. Наступает момент, когда отнимается все: *«Когда приблизится пора утрат, / Скорбит и плачет по былым отрадам»*. Он видел эту удачу и даже успел отчасти насладиться ею, и вдруг она его покидает. Он опечален и опустошен. С ним произошло то же самое: он был так рад, увидел солнце и холм... Но вместо этого оказался перед *«...волчицей неумной / Туда теснимый, где лучи молчат»*, туда, в глубокую чашу леса, где нет света и куда он не может проникнуть.

Вот мы и очутились на удивительном переходе, который открывает читателю дверь в «Божественную комедию»: кто соглашается совершить этот переход, тот готов к путешествию, а по-другому сюда не войти. Не только в поэму Данте – не войти в жизнь, как свидетельствует об этом аналогия:

*Пока к долине я свергался темной
[когда я устремился вглубь леса,
в самую темную часть],
Какой-то муж явился предо мной,
От долгого безмолвья словно томный.*

*Его узрев среди пустыни той:
«Спаси, – воззвал я голосом унылым, —
Будь призрак ты, будь человек живой!»*

Что может сделать слепорожденный, стоящий у стены, когда он ощущает некое таинственное присутствие? Он слышит звуки, отличные от тех, что слышал каждый день: что-то происходит. Он хватается людей за одежды, надеясь остановить их, – в своей слепоте он не может сделать ничего другого. Представьте себе его с вытянутыми вперед руками, ухватившего какую-то женщину за платье, какого-то мужчину за рубаху: «Что происходит? Что происходит?» И кто-то отвечает ему: «Да ходит тут один человек. Какая-то неразбериха. Некоторые говорят, что он Мессия, Спаситель... ничего не понятно». А кто-то посылает его на все четыре стороны, оскорбляет. Но даже воздух в этот день необычен... И что, скажите, терять слепому? В худшем случае он так и останется слепым. «А если этот человек действительно Мессия? Я

хотя бы попробую». И что он начинает делать? Что делает слепой, оказавшись перед возможным присутствием? Он кричит о своей нужде.

Первое, что произносит Данте в поэме (то есть говорит не как рассказчик, а как персонаж): «Сжался!» *Miserere*, кто-нибудь, помилуй меня[53]. Помилуй, так как сам я не справлюсь, *сжался* надо мной! Кем бы ты ни был. Я даже не знаю, кто ты, сейчас это не важно, но помилуй меня!

Он кричит тому, кого «*узрел среди пустыни той*» (все сводится к способности увидеть), тому, «*кто явился предо мной*», то есть был мне дан бескорыстно. Это абсолютно непредвиденная встреча, ее нельзя было просчитать: «Кто бы подумал, что там, в темном лесу, когда я уже был готов расстаться с жизнью, может вдруг появиться человек, которому я поведаю обо всех своих нуждах, о своем желании?» Непредвиденная встреча, в некоторой степени даже незаслуженная, дающая возможность просить о помощи. «Сжался, кто бы ты ни был, „*будь призрак ты, будь человек живой*“». Я не знаю, кто ты, это не важно.

Это все та же история о слепорожденном. Потому что, когда Христос исцелил его, тот устроил праздник, радовался и кричал: «Я вижу! Как здорово! Я вижу! Я вижу! Наконец-то я вижу!» Он ходил и смотрел на все вокруг. И вот его стали останавливать и спрашивать: «Кто тебя исцелил?», на что он отвечал: «Я не знаю, кто-то проходил мимо, и я закричал: „Господи, Господи!“ А Он спросил, что я от Него хочу. „Как же так?! Да разве Ты не видишь? Не видишь, что я слеп? Как Ты думаешь, почему я зову Тебя?“». А ведь Иисус всегда сначала помогает человеку понять, в чем он нуждается, именно поэтому Он задал вопрос, который может показаться глупым: «Что ты хочешь от меня?» Слепорожденный ответил: «Господи, сделай, чтобы я прозрел».

Иисус прекрасно понимал, в чем дело, зачем же Он заставляет слепорожденного произнести это? Все дело в том, что перед лицом Христа человек яснее осознает, в чем нуждается. Встретив слепорожденного, Иисус помог ему понять его нужду, позволил прояснить ее, сделать понятной. Так через потребность слепого проясняется религиозное чувство.

Так же поступает Вергилий. Данте, как тот слепорожденный, который целыми днями ходил и говорил: «Не знаю, кто исцелил меня, не знаю, пророк он или нет, я знаю только то, что я был слеп, а сейчас я вижу». Он словно говорит: «Я могу рассказать только то, что пережил на своем опыте, могу сказать теперь, что жизнь есть благо, и больше мне сказать нечего». Мы видим, как Данте полностью вверяет себя другому, без каких-либо условий: «*Кто бы ты ни был*. Я не знаю, человек ты или призрак, но прошу, сжался надо мной».

В ком из нас есть это мужество, это смирение? Обнаружить собственную слепоту и кричать о ней, предчувствуя истину, оказавшись перед этой истиной, которая вдруг входит в нашу жизнь. Со всеми такое происходило. Всем нам доводилось встречать на своем жизненном пути истину, когда сразу понятно: вот нечто более истинное, чем все остальное, нечто более справедливое; оно подходит мне больше, чем многое другое. Но требовалось смирение, некая жертва, и чтобы избежать этой жертвы, мы отворачивались от того, что встретили. Вся вина человека заключается не в грехах, из-за которых он ошибается, приходит в ярость, предает... – это все пустое. Настоящее предательство – это предательство самих себя, это отказ следовать за своим желанием, когда присутствие, свидетельство другого пробуждает его в нас, и оно мощно, прекрасно открывается, а мы отвечаем: «Ну нет, мы так высоко не летаем». Данте же взрывается: присутствие другого заставляет его осознать всю бесконечность собственной нужды.

*«Спаси, – воззвал я голосом унылым, —
Будь призрак ты, будь человек живой!»*

*Он отвечал: «Не человек; я был им;
Я от ломбардцев низвозжу мой род,*

И Мантуя была их краем милым.

Рожден sub Julio[54], *хоть в поздний год*
[Вергилий представляется Данте],
Я в Риме жил под Августовой сенью,
Когда еще кумиры чтит народ.
[То есть до пришествия Христа.]

Я был поэт и верил песнопенью,
Как сын Анхиза отплыл на закат
От гордой Трои, преданной сожженью.
[Я пел об Энее, праведнике, прибывшем из Трои.]

Но что же к муке ты спешишь назад?
[Почему ты возвращаешься обратно
в сумрачный лес?]
Что не восходишь к выси озаренной,
Началу и причине всех отрад?»
[Почему не поднимаешься? Ты же прекрасно
понимаешь, что создан для света, для жизни,
иди вверх!]

И Данте после ритуального приветствия спрашивает:

«Так ты Вергилий, ты родник бездонный,
Откуда песни миру потекли? —
[Данте поражен: перед ним Вергилий,
великий учитель, которого он всю жизнь чтит]
Ответил я, склоняя лик смущенный.

Это начало того смирения, которым отмечен дальнейший путь Данте, человека, бывшего самонадеянным, сосредоточенным только на самом себе. Такому человеку нелегко сказать о себе *vergognosa fronte*[55] (в песни второй он скажет еще резче). Смирение[56] – это признание того, что мы созданы из земли, из праха, что жизнь дарована нам *Другим*.

О честь и светоч всех певцов земли,
Уважь любовь и труд неутомимый,
Что в свиток твой мне вникнуть помогли!

Ты мой учитель, мой пример любимый;
Лишь ты один в наследье мне вручил
Прекрасный слог, везде перевозносимый.
[Я всему научился у тебя; все, что я написал,
все, что я сделал, – всем обязан тебе.]

Смотри, как этот зверь меня стеснил!
[«Ты видишь, почему я не могу идти вверх, посмотри», – он
указывает на волчицу.]
О вещий муж, приди мне на подмогу,

Я трепещу до сокровенных жил!»
[Она вселяет в меня ужас.]

Здесь необходимо пояснение. Почему Вергилий? Почему именно он? Обычно наша память хранит объяснение, заученное еще в школе: Вергилий – символ разума, Беатриче – символ благодати. Это верно, однако не об этом речь. Что влечет Данте к Богу, к Истине, к спасению? Чем Бог привлекает Данте? Он прибегает к Вергилию, то есть к поэзии, и к Беатриче, то есть к любви. Иными словами, к тому, что дорого Данте. Меня потрясает эта мысль: Бог предлагает то, что нам нравится.

Бог привлекает к Себе, влюбляя нас в Свои творения, делая их притягательными для нас. И это всегда благо. Святой Павел говорит: «*Ибо всякое творение Божие хорошо, и ничто не предосудительно*» (1 Тим. 4: 4). Помните пирамиду желаний? Ребенок, который сначала хочет яблоко, потом птичку, одежду, коня, деньги, женщину?.. Все, что мило нашему сердцу, является благим при условии, что мы относимся к нему согласно его природе, воспринимая сущее как означенное бесконечного. Как писал Монтале, «*на всех образах написано: „не здесь, дальше“*»[57].

Итак, по Данте, нравственность – и это замечание является основополагающим для понимания «Божественной комедии» – не заключается в том, что, находясь на распутье, человек должен решить: пойти направо, где ему откроются прекрасные вещи, а не налево – где вещи безобразные. Нет, все вещи прекрасны. Действительно, есть отличие между добром и злом, но нельзя утверждать, что есть вещи хорошие, а есть плохие. Следует отказаться от морализаторства, с которым мы, к сожалению, знакомимся еще в детстве. Когда преподаватель катехизиса говорил нам, маленьким: «А сейчас напиши на доске вещи, которые согласуются с верой в Иисуса», и мы писали: «молиться», «любить маму», «не врать...». «А теперь напиши, что с этой верой не согласуется», и тогда, бывало, что если кому-то нравилось играть в футбол, то он был вынужден написать это во втором столбике. Таким образом, у него формировалось понимание, что быть со Христом – это ошибка, потому что христианин не может делать множество интересных вещей, а должен заниматься только самыми скучными вещами на свете. Это неинтересно...

Данте же мыслит совсем иначе. Он понимает, что Бог наделил все вещи привлекательностью, и привлекательность благá, потому что именно Он ее источник. В чем же проблема? Когда эта благая привлекательность становится плохой, становится грехом, становится злом? Когда вмешивается дьявол. Дьявол не заставляет нас искать плохое, потому что зла никто не хочет. Он идет к нам через те же вещи, что и Бог, через вещи, которые мы любим. В чем же разница? В том, что нравственность – это правильная точка зрения на вещи, когда мы понимаем, что каждая из них подразумевает нечто большее. Другими словами, привлекательность вещей призвана помочь нам осознать, что мы созданы для бесконечного. Дьявол, напротив, заставляет остановиться на полпути. Он говорит: «Тебе нравится эта женщина? Возьми ее. Ты достиг своего счастья. Остановись, не преувеличивай важность этого желания, какие-то звезды... – все это чепуха, брось. Зачем тебе куда-то стремиться? Тебе нравится эта? Так возьми ее сейчас. А разобраться всегда успеем завтра. Остановись! Останови желание». Вот это – зло.

Зло и грех предают желание. Они преграждают путь к твоему предназначению, к твоему счастью, таким образом, все дробится на части. *Символическое* становится *дьявольским* (здесь я специально использую терминологию Средневековья).

Слово *символ* – греческого происхождения и обозначает «соединять», «объединять». Символ объединяет то, что находится *над*, с тем, что находится *под*, он объединяет видимое с его содержанием, *субстанцией*; то, что находится *под*, объединяет вещь с ее значением. Слово *дьявол* также греческого происхождения, оно связано со значением «находиться посередине», «поперек». Это то, что разделяет, отрывает внешнее от содержимого, судьбу от пути: разби-

ваит на части. Символическое – соединяет, дьявольское – разделяет. Привлекательность вещей существует ради нашего блага. Зло же заключается в отказе от жизни на высоте собственного желания, желания бесконечности, для которой мы созданы. Это – грех, это – настоящее предательство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.